

Орасио Кирога

Мера вещей

Вплоть до начала прошлого года некий господин в сюртуке и цилиндре каждый день после обеда стоял на углу улиц Артес и Хункаль, одержимый желанием регулировать движение экипажей, чтобы те не столкнулись. В четверг и воскресенье дел у него было много, ведь он выполнял свою ответственную работу на совесть. Он вкладывал всю душу в это неблагодарное занятие; усталый, вспотевший, до того издёрганный, что без слёз не взглянешь, благодаря выполненному долгу он мог похвастаться кристально чистой совестью. Человек этот был невменяем, немудрено, что он оказался в таких плачевных обстоятельствах.

Николас Пуэйрредон работал маклером. Он занимался посредничеством, расчётами и всякими коммерческими делами, в которых я, к сожалению, ничего не смыслю. Николас исповедовал веру, что всего должно быть в меру, чтобы голова невзначай не пошла кругом. Он знал, что к числам, поскольку их ряд бесконечен, всегда можно безнаказанно добавить единицу, неприятзательную единицу.

Понятно ведь, - произносил он с улыбкой, - считать можно до бесконечности, всегда найдётся место для ещё одного числа.

Пуэйрредон испытывал тихое наслаждение; по природе своей он не был способен на безумные порывы. Вообще же, характер у него был живой.

И вот однажды он вышел из дома в пять часов вечера и поехал к южной гавани: нужно было успеть в последнюю минуту отправить письмо с парижским пакетботом. На улице Сан-Мартин экипаж простоял долго, и десяти минут как ни бывало. На углу улиц Дефенса и Венесуэла одну викторию лошадь понесла так, что движение прервалось на пять минут. На углу всё той же улицы Дефенса и улицы Эстадос Унидос экипаж Пуэйрредона наехал на мчавшуюся навстречу карету-купе с жёлтыми колёсами; и ещё десяти минут как ни бывало. Поэтому,

когда он наконец добрался до гавани, над подходным каналом только дымок виднелся. Такой поворот дел глубоко огорчил Пуэйрредона. Конечно, не это стало причиной его помешательства, но Николас опасался за своё доброе имя; поскольку в Монтевидео ждали, что письмо придёт непременно, то, вероятно, его отсутствие объясняли несерьёзным отношением Пуэйрредона к делам; а между тем, его достоинством как раз было то, что он ясно понимал: свои обязанности следует исполнять надлежащим образом. Поэтому он был потрясён.

Через несколько дней Николас вновь предпринял поездку, и по тем же причинам его экипаж опять задержался и оказался у пристани слишком поздно. На этот раз он разгорячился, долго пререкался с возничим и, указывая рукой в сторону города, яростно возмущался тем, как отвратительно ходят экипажи. Весь вечер он только об этом и говорил: невозможно быстро проехать двух кварталов сряду... страдают-то простые люди, рискуя своим добрым именем из-за того, что кто-то воююще пренебрегает правилами...

Похоже, что и в последующие дни на его долю выпало такое же множество злоключений, как и прежде. В ту пору мне довелось с ним повстречаться, и уж так он себя укорял, что я попытался было его урезонить.

- Дружище! - с улыбкой сказал я, собираясь распрощаться. - Но ведь так всегда и во всём! Негодование ваше, несомненно, оправдано; однако мы то и дело оказываемся в подобном положении то по одной, то по другой причине... - тут я пошёл философствовать.

- Ну, не знаю, не знаю, не знаю, - зачастил он, распаляясь всё сильнее. - Кто-то же смотрит за порядком? Кто-то же следит за выполнением правил? Отчего человек должен жертвовать своим временем - хоть минутой, хоть секундой, хоть жалкой крохой? - не унимался он, судорожно показывая мне сжатый пальцами черенок ложечки. - Такой вот крохой!

Его глаза были сантиметрах в десяти от моих. Потом он швырнул ложечку на стол и вышел из кафе.

Он явно исхудал, шёл он лихорадочно подёргивая плечами и головой и злобно косился на экипажи.

И до такого возбуждения довёл он себя, что мысль о том, что порядка нет, начала превращаться в навязчивую идею; всё утратило смысл, как обычно и бывает, когда не можешь отвлечься от чего-то. Однажды он десять раз за день побывал в мэрии, где никто не пожелал его выслушать. В гневе покинул он это бестолковое учреждение. С тем же успехом он обращался в газеты. Несколько дней он всё ездил и ездил в экипажах с таким видом, что, казалось, вот-вот мог лопнуть от злости и негодования. Если в каком-нибудь квартале случался затор, а они нет-нет да случаются, Пуэйрредон так кричал, высовываясь из-под капота по пояс, что его ужасное поведение, как ни грустно, влекло за собой вмешательство посторонних.

И в конце концов, в четверг пополудни 18 сентября 1902 года экипаж, в котором ехал Николас Пуэйрредон, остановился на углу Хункаль и Артес, повстречавшись с двигавшимся из Палермо шествием. Зрелище, конечно, было плачевное: Пуэйрредон, встав на подножку, вырвал поводья у возничего, тот упал, а Николас, злобно вопя и нахлёстывая лошадей кнутом, нёсся напролом среди неподвижных викторий. Николаса смогли стянуть только силой, и вопли его слышались ещё долго.

В следующее воскресенье в четыре часа дня он красовался на углу Артес и Хункаль.

***

- Всё так просто, - пробормотал кто-то, когда рассказчик замолчал.

- Ясно, - добавил другой через пару мгновений, - самый простой путь к сумасшествию. Особенно для Пуэйрредона, который с ума сошёл задолго до того.